

Глава 8. Яньжоу

Благодаря тому, что часть пути удалось проехать на телеге, Цю Хуанянь вернулся домой раньше обычного и чувствовал себя не таким изнурённым.

Первым делом юноша вспомнил о свинине, оставленной в чане.

В кладовой никто не жил, окна там всегда держали закрытыми, а глубокая ёмкость служила отличным теплоизолятором. Температура внутри не поднималась выше десяти градусов, так что сырое мясо могло спокойно пролежать там два-три дня.

Хуанянь тонко нарезал свинину и принялся обжаривать её вместе с солью, луком и имбирём, вытапливая жир. Когда смальца стало достаточно, чтобы полностью покрыть кусочки, он переложил их в глиняную кадучку, залил горячим жиром и накрыл горловину глубокой миской.

Это был старый деревенский способ приготовления яньжоу. Если хранить такую заготовку в прохладном месте, она не испортится несколько месяцев.

Домашняя свинина, выращенная на натуральных кормах, не требовала особых ухищрений, чтобы отбить неприятный запах — её вкус и аромат были куда богаче того мяса, что продавалось в современных супермаркетах.

Из одного цзиня сырой свинины получалось чуть меньше половины кадучки готового продукта. Если при каждой готовке добавлять понемногу, этого запаса хватит надолго.

Разобравшись с заготовками, юноша вымыл кости, купленные в довесок, и поставил их томиться в котёл. Добавил грибы сморчки, тофу и нарезанную кружочками кукурузу, приправил щепоткой соли и ломтиком имбиря. Спустя час с лишним в котле забулькал густой, молочно-белый бульон.

Едва он успел наполнить большую чашу ароматным варевом, как тётушка Цюянь привела детей домой.

— Какая благодать! Стоит только мимо забора пройти, сразу ясно — в этом доме снова мясо готовят! — воскликнула она, переступив порог. — Пока шла, видела, как соседские ребятишки у стенки носом водят.

Хуанянь лишь беспомощно развёл руками. Очаг под навесом стоял прямо у южной стены, и запахи неизбежно разлетались по всей округе.

— Ты эти деньги своим трудом заработал, чего бояться? Захотел поесть — ешь на здоровье! — подбодрила его женщина.

После того как утром Мэн Фуюэ от имени главы клана объявила о закупке свёклы, вся деревня узнала: сахар у братца Хуа и вправду получился. Да и цена в один вэнь за сладость пришлась людям по душе, а вести об успешной торговле в городе добавили юноше веса.

Поручительство главы клана и добрые слова сделали своё дело: теперь сельчане в один голос хвалили Цю Хуаняня. Мол, парень и сам в гору идёт, и про своих не забывает — золото, а не человек.

— Сейчас, почитай, все тебя славят, кроме семейства Ду Баоцюаня. Но те, сколько бы ни злобствовали, против течения не поплывут.

Хуанянь поблагодарил гостью и настоял, чтобы она забрала чашу с костным отваром себе. Тётушка Цюянь немного поупрямилась, но в итоге подношение приняла.

На ужин юноша обжарил солёные овощи с несколькими ломтиками мяса и подал их к бульону вместе с пшеничной клейковиной.

Наваристая жидкость была нежной и сытной, а пористые кусочки теста впитали в себя сок, взрываясь на языке ароматом при каждом укусе. Сочетание хрустящих солений и истекающего жиром мяса рождало ту самую гармонию вкуса, что заставляла просить добавки.

Цзюцзю и Чуньшэн выпили по несколько мисок и отложили палочки лишь тогда, когда у них невольно вырвалась сытая икота.

Детский организм быстро брал своё. Стоило им всего несколько дней поесть досыта, как на косточках появилось мясо, и они больше не походили на обтянутых кожей скелетов, какими Хуанянь увидел их впервые.

Прибрав остатки ужина, он накрыл их плетёным ивовым колпаком, решив оставить на завтрак.

В доме юноши царило оживление, а вот в просторном кирпичном доме Ду Баоцюаня атмосфера была гнетущей.

— Матушка, насчёт свёклы...

— Замолкни, жена старшего сына! — прикрикнула госпожа Чжао, сидя на кане. — За сорок цзинь этой травы выручишь от силы двадцать вэней. Что ж ты за копейку так дрожишь? Видать, из такой нищеты в наш дом пришла, что до смерти голодной останешься!

Вэй Люхуа понурилась и замолчала, хотя на душе у неё было горько.

Семья Ду Баоцюаня считалась зажиточной, но на деле всё подчинялось строгой экономии.

Нужно было содержать второго сына, Ду Юньцзина, который учился в уезде, да то и дело покупать обновки и сласти для младшего — Фубао. На всех остальных просто не хватало.

Больше всех страдал старший сын, Ду Юньху. За пять лет замужества Люхуа ни разу не видела, чтобы свекровь разделила что-то по справедливости. Муж надрывался на поле и на подработках, она сама вышивала и шила на заказ, но все деньги до последнего медяка забирала госпожа Чжао.

Двадцать вэней для свекрови были пустяком, но для Люхуа и её маленькой семьи они значили многое. На эти средства она могла бы тайком купить яиц, чтобы подкормить своего сына.

Несчастный Ю-гээр родился недоношенным и рос хилым. Свекровь презирала внука за то, что он был гээр, и скорее купила бы лишний леденец младшему сыну, чем дала бы одно яйцо больному ребёнку.

А всё потому, что Ду Юньху был сыном от первой жены Баоцюаня, а не плотью и кровью госпожи Чжао.

Свекровь смерила невестку колючим взглядом. Она знала, что та затаила обиду, но ей было всё равно.

«Девка из глухомани в наш дом попала — это ж какую милость небес она в прошлых жизнях заслужила? Родила хилого гээр и ещё смеет о чём-то думать? Если не прижать её как следует, она быстро забудет, кто в доме хозяйка!»

— Иди к себе и шей Фубао новый наряд. Лампу не зажигай, шей при лучине или жди утра. Ткань я уже раскроила, на столе лежит. Мальчик капризничает, хочет именно этот цвет, так что шевелись! — госпожа Чжао раздражённо махнула рукой, выпроваживая невестку.

Когда Люхуа ушла, хозяйка дома всё равно не могла успокоиться.

— Подумаешь, скупает он свёклу по два цзиня за вэнь! Сам же сахар варит, ему этот сор нужен, цену-то не задрал. А деревенские дураки поют, будто он благодетель великий!

При мысли о старом петухе, которого Хуанянь выманил у неё обманом, сердце госпожи Чжао обливалось кровью. Пусть птица была тощей и старой, за неё можно было выручить сотню вэней, а досталась она этому лисёнку за бесценок!

Ду Баоцюань, не замечая злости жены, задумчиво потёр подбородок:

— Говорил, что из сорго сахар сварит — все смеялись, а он и вправду сдюжил. Выходит, малый с головой. Не зря Юньцзин тогда...

Госпожа Чжао с силой хлопнула по столику, обрывая мужа.

— Опять ты об этом! Кто он такой? Дармоед, на которого вдова Ли две меры зерна потратила! Он нашему Юньцзину даже ноги греть не достоин!

Она перевела дух и продолжила:

— Юньцзин раньше жизни не видел, вот и поддался чарам этого лиса. А теперь сына сам учитель в уездной школе приметил, хочет за него дочь выдать. Стал бы он на деревенщину засматриваться! По мне, так жаль, что Фубао его тогда не до смерти толкнул. Меньше было бы хлопот.

Она продолжала ворчать о старых обидах, пока Фубао не зевнул. Только тогда госпожа Чжао велела всем расходиться.

— Матушка, не сердись! В следующий раз увижу этого лиса — ещё раз толкну, пусть подышает!
— озорник прижался к матери, заискивающе заглядывая ей в глаза.

— Моё ты сокровище, — госпожа Чжао обняла младшего сына. — Но тот лис стал каким-то странным. После того падения наверняка ухо остро держит, ты мал ещё, как бы сам не пострадал.

Она хищно улыбнулась:

— Не торопись. Я уже послала человека в деревню Шанлянь, разыскать его родню. Против такого наглого выскочки у матери найдутся способы посерьёзнее.

***

Ду Юньху, выходявший из горницы последним, молча прикрыл дверь. На сердце у него было тяжело.

Он вернулся в западный флигель, где жила его семья. Ю-гээр уже спал на кане, а Вэй Люхуа сидела, застыв над новой тканью.

— Оставь, завтра при свете дошьёшь. Глаза испортишь, не к спеху это, — Юньху с жалостью посмотрел на жену.

Вэй Люхуа горько вздохнула:

— Ребёнку уже три года. Он за всю жизнь ни разу не надел рубахи из цельного куска ткани, всё

обноски да заплатки.

Одежда мальчика была собрана из крохотных лоскутов, срезанных с ветхого тряпья. Лишь мастерство Люхуа позволяло этим вещам не разваливаться на части.

Ду Юньху присел на порог, глядя внутрь комнаты, и закрыл лицо руками. Почти вся пахота теперь лежала на нём и его жене, а в межсезонье они и вовсе не разгибали спин на подработках. Но заработанного ими они не видели. Сыновний долг велел почитать отца, и они терпели.

Люхуа посмотрела на спящего сына — такого худого, что его дыхание было едва заметно, — и по её щекам покатались слёзы.

— Моя кузина со стороны матери вышла замуж в город и водит дружбу с лекарем. В прошлый базарный день я тайком отнесла Ю-гээр к нему. Он сказал, что мальчик слаб не из-за того, что родился раньше срока. Это не болезнь. Его можно выходить.

Голос её сорвался:

— Сын гаснет, потому что он голоден. Ду Юньху, наш ребёнок просто хочет есть...

Женщина зажала рот рукой, содрогаясь от рыданий. Ей хотелось закричать во весь голос, но она боялась разбудить свекровь в главном доме и лишь сильнее впивалась ногтями в ладони.

Юньху вытер лицо — ладони были влажными.

— Ты хотела продать свёклу, — хрипло заговорил он. — Но матушка знает счёт каждой травинке в доме. От неё не скроешься.

Люхуа покачала головой:

— Я уже всё обдумала. Моя родная деревня стоит в ущелье, земля там хуже нашей. На склонах, где ничего не растёт, люди сажают уйму свёклы. Ботву скотине скармливают, а корни едят, когда больше нечего. Давай под предлогом навестим моих родных, заберём там побольше корней и перепродадим братцу Хуа. Разницу себе оставим. Что скажешь?

Юньху то хмурился, то обречённо вздыхал. Всю жизнь он был покорным сыном и никогда не смел лгать старшим.

Люхуа вскинулась:

— Неужто ты будешь рад, когда нас обоих в землю закопают?!

От её резкого голоса Ю-гээр вздрогнул и тонко заплакал. Из главного дома тут же донеслась брань госпожи Чжао: она требовала заткнуть ребёнка, чтобы тот не мешал спать Фубао.

Ду Юньху глубоко вздохнул, чувствуя, как сердце колотится о рёбра.

Когда свекровь умолкла, он прошептал жене:

— Братец Хуа начнёт приём уже завтра утром. До твоей деревни путь неблизкий, на муле обернёшься только к вечеру. Не успеем.

Люхуа не сдавалась:

— Он сказал, что заберёт всё. Судя по настрою главы клана, сахар идёт нарасхват. В деревне свёкла быстро кончится, он всё равно станет искать на стороне. Сделаем так: завтра вечером я тайком прокрадусь к нему и всё разузнаю. Если подтвердит — поедем.

Юньху засомневался:

— Фубао его толкнул, матушка с ним только-только лаялась... Боюсь, он нас и на порог не пустит.

Вэй Люхуа стиснула зубы:

— Попробовать всё равно надо. Если всего бояться — денег не видать. В главном доме его враги сидят, не мы. В крайнем случае — на колени перед ним паду, умолять стану. Ради Ю-гээр я на всё пойду!

В тот день, когда лекарь сказал ей правду, а дома она увидела, как Фубао швыряет на пол яичный желток, потому что тот «слишком сухой», сердце молодой женщины окончательно ожесточилось.

Юньху хотел было что-то возразить, но лишь тяжело вздохнул. Это была его жена. На кане лежал его сын. Как мужчина, он должен был защитить свой очаг.

— Пойдёшь к братцу Хуа завтра в сумерках. И вот ещё что: не забудь предостеречь его. Я слышал, как матушка шептала Фубао...